

Надо нести свой крест и верить

Она одна из самых известных сегодняшних актрис — «Мужской зигзаг» и «Королева Марго» превратились в народное кино, и наш обрученный с телевизором народ узнает Добровольскую на улицах... Но для нее самой главное то, что она играет во МХАТе: Констанция в «Амадее», Маша в «Чайке», Сестра в «Ю», роль в «Священном огне» Мозма (премьера должна состояться 15 января)... **Евгения ДОБРОВОЛЬСКАЯ** последовательно и убежденно служит репертуарному театру — о нем мы и говорили.

— Сегодняшний репертуарный театр перестает притягивать одаренных людей: талантливые молодые режиссеры не собираются становиться главными, талантливые молодые актрисы предпочитают жить на вольных хлебах, а некоторые критики пишут, что репертуарный театр превратился в кладбище судеб. Какого вы мнения о театре-доме?

— Я бы не назвала сегодняшней репертуарный театр театром-домом. Это тот театр, где у тебя пять раз в месяц спектакли и ты должна на них приезжать. А в остальное время можно сниматься или — если у тебя нет охоты читать — заниматься домом, отдыхать... Ты живешь здесь только во время репетиций, и это не дом, а очень нервная работа — к благодати она не располагает. Раньше артисты шли не в театр, а к конкретному человеку — Товстогову, Ефремову, им хотелось всю жизнь работать с тем, кого они любили и кому верили. Закончив институт, я поменяла несколько театров. Прежде чем я оказалась в этом МХАТе, я была во МХАТе имени Горького у Дорониной, потом в «Табакерке», затем в театре «Современник-2» и только после этого пришла сюда. И было это в 1991-м...

— В последние ефремовские времена.

— Ну, положим, не в последние — Ефремов умер в 2000 году.

— Я имею в виду не это. В 1990-м, за год до того, как вы пришли во МХАТ, я брал у него интервью — он был любезен и очень мило отвечал на мои вопросы. Но при этом мне казалось, что он пуст, как Вселенная, — ему не было дела не только до меня, но и ни до чего на свете. Ощущение было ложным?

— Он не был пуст как Вселенная — он с ней разговаривал. К тому же Ефремов не любил журналистов и их случайные вопросы.

— В последние годы Олег Николаевич в основном занимался собственным внутренним миром, в роли строителя театра он, как мне кажется, не выступал...

— За его плечами был «Современник» и целое поколение воспитанных им артистов. Ждать от Олега Николаевича театрального строительства, когда у него работало пятнадцать процентов легких, было глупо и не нужно. В последние годы он тяжело болел, и МХАТ жил только для него — мы вполне отдавали себе отчет в человеческом и профессиональном масштабе Олега Николаевича. Ефремов ставил медленно, репетировал только с определенными актерами, но все понимали, что ему необходимо работать, и не обижались. У актеров МХАТа была работа на стороне, кино, сериалы, радио, антрепризы...

— В том, что вы говорите, есть противоречие — люди сюда шли ради Ефремова. В то же время Ефремов с театром не работал, и все ему это прощали...

— Его любили. Да, его любили. К нему можно было прийти в любой момент и поговорить по душам, не соблюдая никакого писета. И ел он в нашей столовой — то же самое, что и мы... Олег Николаевич был режиссером-другом, кричать на артистов он считал ниже своего достоинства. Он был болен, но МХАТ держался только им. Никто не хотел делать ему больно или плохо.

— У МХАТа есть много традиций — в том числе и традиция умираний. Он много раз умирал, много раз возрождался...

— Дело в том, что он у всех на виду. Другие театры умирают и рождаются (а иногда только умирают) — но обсуждают МХАТ. В Москве есть несколько мертвых театров, там вообще ничего хорошего не происходит, но о них не говорят.

— У них нет такой родословной — безвременье пятидесятих-шестидесятых... МХАТ, похоже, навсегда записан в бессмертные.

— МХАТ хорош тем, что он огромен — это большое производство и у каждого здесь есть своя ниша. Здесь нет закулисной возни, нету ненависти между артистами. А в других театрах это сплошь и рядом — артисты не разговаривают, годами не общаются.

— В театре у вас сейчас хороший период. А в кино вы что-нибудь делаете?

— Да, работать в сегодняшнем МХАТе мне нравится... А в кино у меня была картина «Механическая сюита» Дмитрия Месхиева — у меня там небольшая работа, но

ЕКАТЕРИНА ЦВЕТКОВА

я получила уже несколько призов за исполнение роли второго плана, а сейчас номинирована на «Золотой овен». Скоро должен выйти еще один фильм Месхиева, называется он «Душеприказчик». Я не стремлюсь мелькать в кино и на телевидении, и все же я все время на экране, и меня сейчас узнают гораздо больше, чем когда выходили мои старые фильмы.

«На тебя уповаю» и «Мужской зигзаг» в прошлом году показывали чуть ли не каждую неделю, и мне за них не стыдно.

— Как вам кажется, сериалы не портят актера? Я смотрю на экран и вижу, как у снимающихся в них хороших актеров появляется масочка...

— Хорошего артиста трудно испортить. Но сериалы я не люб-

лю — понимаю, что иногда есть нечего, но, видимо, не до такой степени... К чему идти сниматься в абь что, абь как, абь с кем?

— А народная любовь?

— Кому она нужна?

— Ну как же — выходит артист на сцену, и зал открывает рот — он узнал в нем миллионера из любимого телефильма...

— Зритель смотрит конкретную историю, и ты для него ее персонаж, а не Штирлиц. Было бы смешно, если бы я выходила в чеховской Маше, а во мне узнавали королеву Марго. Беда в том, что на телевидении сейчас один бесконечный сериал — одни и те же артисты на всех каналах. И всюду они играют одно и то же. «Масочка» тут ни при чем — телевизор показывает все, на что ты способен и неспособен, это полное развенчание артиста. Актеры былых времен умели хранить свою тайну, а сейчас коллег перемальвают ток-шоу, телентервью, сериалы, и они очень быстро кончаются. Нечего разгадывать, незачем следить...

— Театр проходит по ведомству элитарной культуры, попадая в ток-шоу, артист входит в сферу культуры массовой — она его востребует и употребляет, но кое-что за это дает. Популярность легко конвертировать в деньги...

— Наверное. Но всех денег все равно не заработаешь. Здесь надо соблюдать меру, иначе может выйти неловкость — захочешь поговорить со Вселенной, а в ответ получишь плюху. У театральных артистов всегда была аскетическая профессия. Надо нести свой крест и верить — так было при Стрелетовой, так осталось и во времена Якубовича.

Алексей ФИЛИППОВ